DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.068
УДК 323.329(470) + 325.2(470) +
+ 94(470) "19/..."

А. В. Антошин
*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ПОКОЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. В РОССИИ И ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена поколению участников Освободительного движения конца XIX — начала XX в. Цель данной статьи — проанализировать специфику психологических и ценностных установок той генерации интеллигенции, представители которой являлись активными участниками русских революций. В основе методологических установок автора данной статьи лежат подходы, характерные для «новой интеллектуальной истории». Источниками для написания статьи послужили личные письма представителей этого поколения русской интеллигенции, хранящиеся в Гуверовском архиве войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Русском архиве Лидса (Великобритания). Кроме того, использованы воспоминания представителей этой группы русской интеллигенции. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что данное поколение в ментальном плане было «людьми XIX века», болезненно переживавшими крушение идеалов их молодости в XX в. Участвуя в российском освободительном движении, являясь депутатами Государственной думы и членами парламентской оппозиции, они пытались создать новую Россию. Они до конца жизни сохранили верность демократическим принципам, ценностям свободы личности и прав человека. Большинство из них осознавало, что советское государство было авторитарным политическим проектом, поддержанным многими простыми людьми. Они понимали, что глобальные тенденции развития цивилизации в XX в. оказались гораздо более сложными, чем им представлялось ранее. Вместе с тем, некоторые представители этого поколения к концу жизни смогли осознать ошибки, которые были допущены ими в борьбе за демократическое развитие России.

Ключевые слова: русская интеллигенция; Освободительное движение; русская эмиграция; русская революция; Россия и Европа.

В 1954 г. в Нью-Йорке вышли в свет мемуары известного общественного деятеля Русского Парижа, в дореволюционной России — одного из лидеров партии кадетов В. А. Маклакова. К тому времени ему уже было за 80, это был человек уходящей в прошлое эпохи. В этих мемуарах он очень точно высказался о своих ровесниках, тех, кто, как и сам В. А. Маклаков, были символами этой эпохи: «То поколение, которое сейчас вымирает, а начинало жить активной жизнью во время Освободительного движения, своими юными годами близко подходило к эпохе Великих реформ» [Маклаков, 2006, с. 7].

Действительно, В. А. Маклаков принадлежал к той генерации российской интеллигенции, которая формировалась в условиях пореформенной России последней трети XIX в. По своей психологии большинство из них относилось к «людям XIX века», с их верой в прогресс, в возможность преобразования общества на основе реализации определенной идеологической схемы. Вышедшие из XIX в., они были позитивистами, и сохраняли веру в принципы этой философии на протяжении всей своей долгой жизни, даже когда гносеологический потенциал позитивизма стал подвергаться критике всеми.

Как известно, анализ мировоззрения русской интеллигенции конца XIX — начала XX в. был предпринят еще в знаменитых сборниках статей «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Их авторы — П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др. — не раз обращались к этой теме и позднее, уже в условиях эмиграции [Франк; Струве, 1923; Бердяев]. Бесспорно, с «веховской» интерпретацией русской интеллигенции многие представители этого поколения были не согласны. Оппоненты «Вех» объединились на страницах сборника «Интеллигенция в России», одним из вдохновителей которого был П. Н. Милюков. Поколению П. Н. Милюкова и Н. А. Бердяева была суждена долгая жизнь. Им, сформировавшимся в XIX в., довелось быть участниками российских революций, пережить две мировые войны. Они стали одновременно творцами и жертвами эпохи Великих потрясений. Многие из них ушли из жизни вдали от России. Каким было их восприятие меняющегося мира? Претерпели ли их взгляды какую-либо эволюцию под влиянием катаклизмов эпохи? На эти вопросы и пытается ответить автор данной статьи.

Выросшие в пореформенной России, представители этого поколения были прямыми продолжателями традиций русской интеллигенции XIX в. Позднее видная участница Освободительного движения А. В. Тыркова заметит: «Подземное революционное горение отражалось на жизни всех думающих людей: и тех, кто разжигал огонь, и тех, кто старался его потушить... Чтобы понять русскую действительность за последнее столетие, надо помнить об этом непрестанном, жгучем, неудержимом, мятежном беспокойстве» [Тыркова-Вильямс, с. 213]. Атмосфера русской действительности, ставший уже традиционным конфликт власти и общества во многом определяли психологию тех русских интеллигентов, кто в 1880–1890-е гг. только вступали на путь общественной деятельности. Стоя за университетской кафедрой или состоя в коллегии адвокатов, работая в провинциальной гимназии или в органах земского самоуправления, эти люди воспроизводили определенные стереотипы мышления и модели поведения, присущие их кругу.

Бесспорно, это поколение не было абсолютно однородным. К нему относились люди, принадлежавшие к различным группам русской интеллигенции, воспитанные в разной культурной среде. Далеко не все разделяли идеи преклонения перед народом, которые были характерны для разночинцев и народнической интеллигенции XIX в. Упомянутый выше В. А. Маклаков был типичным представителем той либеральной дворянской интеллигенции, которая критически

воспринимала революционную идеологию. К простому народу такие люди относились «без признаков высокомерия, не считали его “быдлом”, обреченным оставаться внизу» [Маклаков, 2006, с. 24]. По замечанию В. А. Маклакова, они «в себе ценили культуру и образованность, и в этом видели свое заслуженное преимущество; не хотели это преимущество хранить для себя одних, считали долгом государства передавать его всем остальным, но не признавали и своей вины перед народом, не считали, что необразованные люди призваны Россию за собой вести» [Там же]. Тем не менее, для многих участников Освободительного движения идеи служения русской интеллигенции народу продолжали оставаться актуальными.

Значительная часть представителей этого поколения восхищались технологическим прогрессом европейской цивилизации в XIX в., ее экономической мощью, считали безальтернативными те демократические ценности и институты, которые сформировались в странах Запада. В литературе уже исследовался вопрос о влиянии европейской культуры в дореволюционной России, о восприятии стран Запада в общественном сознании россиян в этот период. На наш взгляд, можно во многом согласиться с тезисом исследователя В. В. Аверьянова, отмечающего, что до революции «русская мысль в определенном смысле отталкивалась от чужого исторического материала, факты европейской истории значили для нее не меньше, а зачастую больше, чем факты отечественной истории» [Аверьянов, с. 2].

Действительно, долгое время российские правоведы опирались прежде всего на опыт конституционного развития стран Запада, а политики, говоря о перспективах модернизации России, постоянно проводили параллели, используя факты из истории европейских революций XVII–XIX вв. Тем не менее, несмотря на то, что поездки в страны Запада на отдых, лечение, стажировку и т. д. были для дореволюционной российской интеллигенции обычным делом, в теоретических дискуссиях о западной политической культуре наблюдалось немало элементов схематизации, искусственных концептуальных конструкций. Те принципы конституционализма, свободы и неприкосновенности личности, о которых полемизировали российские политики и публицисты эпохи Освободительного движения, зачастую имели характер идеальных философских схем. Далеко не все из участников дискуссий имели четкое представление о механизмах реализации этих конструкций на практике. Прав, на наш взгляд, был известный русский философ, протоиерей Георгий Флоровский, заметивший впоследствии: «Для многих Европа действительно стала “второй родиной”. Можно ли сказать, однако, что Запад у нас знали?! Образ Европы воображаемой или искомой слишком часто заслонял лик Европы действительной» [Флоровский, с. 513].

Период взросления этого поколения в значительной степени пришелся на 1880-е гг., эпоху Александра III и К. П. Победоносцева. Хорошо известна та оценка морально-психологической атмосферы этого периода, которую дал А. А. Блок. Но и всегда отличавшийся взвешенностью В. А. Маклаков полагал, что власть в те годы имела цель «формировать новую породу людей».

В гимназиях «душили у учеников интересы», «забивали молодые мозги тем, что им неинтересно и совершенно не нужно» [Маклаков, 2006, с. 34, 44]. Результат, как мы видим, оказался прямо противоположный: именно это поколение и дало России целую плеяду видных революционеров.

Выйдя из гимназий эпохи Александра III неконформистами, очень многие представители этого поколения приняли участие в студенческом движении 1890-х гг. Характерно, что этого не избежали и те, кто позднее отнюдь не относился к революционерам. Даже у тех, кто не разделял идею насильственного свержения существующего строя, вызывало отторжение желание власти ликвидировать всякие элементы самоуправления, игнорировать стремление молодежи участвовать в общественной жизни. Как заметила А. В. Тыркова, «власть подвела под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство» [Тыркова-Вильямс, с. 240]. К студенческим волнениям оказались причастны, например, будущий лидер проправительственной фракции русских националистов в Государственной думе граф В. А. Бобринский или тот же В. А. Маклаков. Некоторые из этих людей, близко познакомившись с революционной средой, испытывали от нее отторжение. Многим русским интеллигентам претил дух нетерпимости, свойственный революционным кружкам, аксиоматичность мышления их лидеров. Бесспорно, впрочем, что не следует и преуменьшать влияние революционных идей на русских интеллигентов этого поколения. Неслучайно уже в 1909 г. П. Б. Струве в «Вехах» напишет о «максимализме» русской интеллигенции начала XX в [Струве, 1990, с. 161].

Из университетов выходила интеллигентская молодежь, в значительной степени готовая к тому, чтобы влиться в ряды участников Освободительного движения. Это движение стало символом русской оппозиции начала XX в. Первая русская революция 1905 г., противостояние думской оппозиции и правительства П. А. Столыпина, «штурм власти» времен Первой мировой войны — все эти события были этапами той борьбы, которую вело данное поколение русской интеллигенции. В предреволюционной России эта борьба часто героизировалась в общественном сознании, однако победа оппозиции в 1917 г. была пирровой. Большинство лидеров Освободительного движения оказались не на высоте положения, не смогли справиться с задачей управления Россией, заменив ту самую «историческую власть», которую они столько лет критиковали. Это было осознано самими представителями этого поколения очень быстро. Уже в 1918 г. в знаменитом сборнике «Из глубины» П. И. Новгородцев напишет: «Что касается русского общественного сознания в его господствующих течениях, то ему принадлежит печальная роль той разрушительной силы, которая в борьбе с догматизмом старых основ отвергла и вовсе конкретные и реальные основы истории, заменив их отвлеченной пустотой начал безгосударственности, безрелигиозности и интернационализма» [Новгородцев, с. 216].

Важно и то, что в 1917 г. представители Освободительного движения не смогли защитить свои идеалы. Многие из них пассивно смотрели на то, как

происходит ликвидация демократических институтов и становление большевистской диктатуры. Не принадлежавший к этому поколению, более молодой А. А. Угримов с возмущением писал о ситуации осени 1917 г.: «Все эти образованные интеллигенты обратились тогда в обывателей, забились в щели и пассивно ожидали... В этой пассивности можно усмотреть корни малодушия, предопределившие их судьбу... Обычно клеймят незаконно захватывающих власть, но велика ответственность тех, кто слабо держит и не отстаивает, не защищает законную власть в самые жгучие моменты истории» [Угримов, с. 450].

Такая позиция значительной части русской интеллигенции привела к тому, что большевикам удалось одержать победу в Гражданской войне. Лидеры Освободительного движения оказались в эмиграции. Оглядываясь назад, они все более критически оценивали свою прежнюю общественную деятельность. По мнению В. А. Маклакова, проблемой Освободительного движения было то, что оно «оказалось слишком равнодушно к той грани, которая должна была бы отделять эволюцию государства от бедствий всякой революции» [Маклаков, 2006, с. 256]. Нашла в себе силы признать ошибки оппозиции и другая ее активная участница, А. В. Тыркова. В написанных в эмиграции мемуарах старая деятельница русского либерализма подчеркивала: «Слепоте правительства отвечала слепота оппозиции... Оппозиция считала, что самодержавие навязано народу, что оно держится только полицейскими мерами... В интеллигенции было упрямое нежелание понять мысли противника, вдуматься в правительственную политику» [Тыркова-Вильямс, с. 243].

В 1920–1930-е гг. деятели Освободительного движения пытались выступать в качестве политических лидеров русского зарубежья, вели бесконечную полемику на страницах эмигрантских газет и журналов. Однако эмигрантская молодежь, представители так называемого «незамеченного поколения», все более отворачивались от них. Выросшая на чужбине русская молодежь раз за разом повторяла в адрес «стариков» те обвинения, которые бросил им А. А. Угримов.

Сближал «стариков» и эмигрантскую молодежь антикоммунизм, который постепенно становился естественным ядром идеологии наиболее политически активной части русского зарубежья. Успехи коммунистического руководства СССР в ходе индустриализации 1930-х гг., одержанная в 1945 г. победа над Германией не заставили многих старых русских интеллигентов кардинально изменить свою позицию. Они по-прежнему полагали, что большевики лишили Россию шанса на построение демократического государства, которое бы обеспечило наибольшие возможности для самореализации человеческой личности.

Однако, Вторая мировая война вызвала среди русских эмигрантов и всплеск патриотизма, пробудила надежды на то, что на покинутой ими Родине произошли существенные изменения по сравнению с периодом революции 1917 г. и Гражданской войны. Символом поворота части старой интеллигенции к сотрудничеству с советской властью стал знаменитый визит группы эмигрантов во главе с В. А. Маклаковым в 1945 г. к советскому послу во Франции Богомолу. При этом сам В. А. Маклаков подчеркивал, что в тот момент он надеялся

на серьезную трансформацию политического режима в СССР, и только это побудило его пойти на данную встречу. Более того, В. А. Маклакову в тот момент казалось, что эволюция советского политического режима уже стала фактом. И здесь ему, как и некоторым его ровесникам, виделась аналогия с развитием политических процессов в пореформенной России. В 1945 г. некоторым представителям этого поколения показалось, что они вновь переживают тот процесс обновления России путем реформ, который наложил отпечаток на формирование их мировоззрения в юности. В. А. Маклаков в целом ряде писем этого периода подчеркивал, что советская власть, подобно самодержавию, еще будет сопротивляться, но трансформация режима, скорее всего, необратима. Однако старый либерал выступал за то, чтобы не повторять ошибок Освободительного движения. Прежде всего, он считал, что недопустимо призывать к новой революции, поскольку в таком случае Россию ждал выбор «из двух зол»: «Либо либеральное правительство, как в Феврале, и Россию расчленият и разбазарят соседи и союзники. Или такое же диктаторское правительство, но не коммунизм, а нечто вроде легитимистов, фашистов и вообще всех тех людей, которые здесь (во Франции. — А. А.) радовались победе Германии» [НИА, Vasilii Maklakov papers, Box 2, Folder “M. Aldanov. 1945”. В. А. Маклаков — М. Алданову, 25.05.1945]. Оба эти варианта были неприемлемы для старого общественного деятеля, поэтому он предпочитал медленную эволюцию политического режима в СССР.

Многие старые соратники русского либерала не разделяли позиции В. А. Маклакова. Характерно письмо, написанное ему А. В. Тырковой летом 1945 г. Ариадна Владимировна подчеркивала: при всем уважении к В. А. Маклакову она считала, что тот слишком оптимистичен в оценке степени развития советского общества. «Можно ли считать Россию, — восклицала она, — которая четверть века недоедает и ходит в рваных сапогах, более богатой, чем та Россия, которую мы знали? Можно ли мерить просвещение страны только количеством грамотных, а не качеством образования?». Более того: она полемизировала с тезисом о преемственности старой России и Советского Союза, который был весьма распространен у части эмиграции. А. В. Тыркова указывала: «Советская власть не старые приемы управления воскресила, а сочинила неслыханную, беспощадную, жестокую деспотию. Нельзя ее даже с царствованием Иоанна Грозного сравнить. Тогда народ оставили в покое. Колхозы всех обездолили и обесправили. Ничего подобного мы с Вами при “царизме” не знали. Мы не знали страха, этого дьявольского изобретения советской власти» [BAR, A. Tyrkova-Williams collection, Box 2, Folder “Maklakov V. A.”, А. В. Тыркова-Вильямс — В. А. Маклакову, 11.06.1945].

Некоторым старым русским интеллигентам линия В. А. Маклакова представлялась политическим предательством, забвением тех идеалов свободы и демократии, которым всю жизнь служил и он сам. Однако, несмотря на все разногласия по вопросу об отношении к советской власти, сохранялось ощущение принадлежности старых общественных деятелей к одной политической

культуре Освободительного движения. Это чувствовал известный писатель М. А. Алданов, заметивший в письме В. А. Маклакову: «Все-таки и Вам, надеюсь, тяжело было бы разрывать ту немалую идейную связь, которая 25 лет существовала — в известных пределах — между русскими политическими группами “от кадетов до эсеров”. Как-никак, за этими идеями вековая русская традиция» [НИА, Vasilii Maklakov papers, Box 2, Folder “M. Aldanov, 1945”, М. А. Алданов — А. А. Титову, 11.06.1945]. В рамках этой традиции, той политической культуры, которую олицетворяло собой Освободительное движение, так или иначе продолжали оставаться те, кого война развела по разные стороны баррикад. Читая их переписку, чувствуешь, что именно в рамках данной политической традиции они и продолжали вести свою полемику в эмиграции.

Те эмигрантские общественные деятели, которые вместе с В. А. Маклаковым отправились в 1945 г. на прием к Богомолу, стремились доказать, что развитие именно этой традиции естественным образом привело их к сотрудничеству с Советским Союзом. Они пытались сформировать представление о том, что путь, по которому более 100 лет шла русская интеллигенция, в 1945 г. должен был привести ее старых лидеров в здание посольства СССР на улице Гренель. Старые русские интеллигенты доказывали, что эволюция Советского Союза идет в направлении реализации принципов подлинной демократии при обеспечении социально-экономических прав граждан, а именно этими идеалами всегда было пронизано Освободительное движение. Таким образом, получалось, что Советская власть в процессе своей эволюции в какой-то степени пришла к тому идеалу, за который боролась русская оппозиционная общественность конца XIX — начала XX в.

Совершенно очевидно, что такая интерпретация характера советской политической системы могла удовлетворить далеко не всех представителей эмигрантской интеллигенции. Многие из тех старых русских интеллигентов, которые в прошлом ориентировались на ценности Освободительного движения, очень сомневались в том, что его идеи были реализованы И. В. Сталиным. Именно поэтому в дни победного для их Родины мая 1945 г. В. А. Маклаков и его соратники видели свою миссию в том, чтобы развеять эти сомнения. Выход в свет статьи В. А. Маклакова под названием «Советская власть и эмиграция» стал переломной вехой в истории попытки компромисса между русским зарубежьем и советской властью. Он пытался доказать, что весь дух, вся атмосфера жизни советского общества гораздо более нацелена на рождение подлинного народовластия, чем строй жизни западных демократий: «Как бы мы ни смотрели на советскую власть, какие у нас основания думать, что она, порожденная сама Революцией, хочет воспитать в человеке “раба”? Зачем же тогда эта власть кладет так много усилий на распространение просвещения в народных низах? Всякое просвещение не подавляет, а укрепляет сознание и претензии личности... Бесправные люди, “рабы”, не могут существовать без “рабовладельцев”; воспитывать рабов можно только, одновременно воспитывая и породу их повелителей. Так было в рабовладельческой дворянской России...

Подобного воспитания мы не найдем в Советской России. В ней нет “господ”, “белой кости”» [Маклаков, 1945].

Однако, очень быстро выяснилось, что Советский Союз все-таки не стал тем воплощением подлинного народовластия, о котором мечтали старые русские интеллигенты, а стремление превратить идею «советского патриотизма» в инструмент влияния СССР вызвало отторжение у многих лидеров русского зарубежья. Весьма характерно высказывание по этому поводу старого деятеля Освободительного движения, бывшего члена ЦК партии кадетов князя В. А. Оболенского. В письме своему ровеснику, старому эсеру В. М. Зензинову, в январе 1946 г. он подчеркивал: «Я лично очень мрачно смотрю на происходящую сейчас в России эволюцию. Подъем патриотизма, который мог при благоприятных условиях послужить цементом для демократизации советского строя, по-видимому, иначе использовался советской властью. Подменив в выдыхавшемся коммунизме Интернационал вновь возникшим национализмом, она создает из России новое фашистское государство с соответствующей внешней политикой» [BAR, Vladimir M. Zenzinov collection, Box 6, Folder “Correspondence. N-R”, В. А. Оболенский — В. М. Зензинову, 07.01.1946].

В итоге честного компромисса русского зарубежья и советской власти не получилось. Уже с конца 1940-х гг. почти все активные политики русского зарубежья вновь оказались в антикоммунистическом лагере.

Постепенно все большее внимание старых русских интеллигентов стала привлекать ситуация в странах Запада, где они доживали свой век. «Люди XIX в.», они констатировали духовный и политический кризис западной цивилизации в XX в. Одним из проявлений этого кризиса, по их мнению, было стремление многих представителей общественности стран Европы отмежеваться от тех принципов, на которых основывалась цивилизация Запада в XIX в. Впрочем, как справедливо отметил Н. А. Бердяев, зачастую этот поворот был вызван неверным пониманием сущности самого XIX в., излишней его схематизацией. Фактически критики XIX в. сами отстаивали идеи, созданные в то столетие. Именно оно (прежде всего его вторая половина) во многом породила тенденции этатизма, антииндивидуализма и т. д. [Бердяев, с. 289]. В XX в. они были лишь доведены до своего логического завершения и вульгаризованы.

Весьма любопытна, на наш взгляд, сделанная Ф. А. Степуном попытка сопоставить XIX и XX вв., показать специфику нового столетия, принесшего миру две мировые войны и господство тоталитарных режимов. Известный публицист русского зарубежья отмечал, что в XX в. произошло «качественное перерождение самого понятия зла». Зло XIX в., писал он, было лишь «неудачей добра», злом, «еще знавшим о своей противоположности добру». В XX в., считал Ф. А. Степун (и вместе с ним многие представители его поколения), была ликвидирована грань между Добром и Злом: «Типичные люди XX века мнят себя, по Ницше, “по ту сторону добра и зла”. Это совсем особые люди, бескорбные и не способные к раскаянию» [Степун, с. 280]. На наш взгляд, это высказывание русского

философа представляет собой очень интересный вариант «антропологического измерения» кризиса Запада.

В общественном сознании стран Запада в середине XX в. кризис переживали идеи свободы, а также политических и гражданских прав личности. Как с тревогой отмечал все тот же Н. А. Бердяев, XX в. стал эпохой торжества силы, «враждебной пафосу личности, ненавидящей индивидуальность, желающей подчинить человека безраздельной власти общего, коллективной реальности, государству, нации» [Бердяев, с. 321]. Тоталитаризм умело воспользовался разочарованием в абсолютности тех базовых ценностей, которые сформировались в эпоху буржуазных революций в Европе и Америке. Эту ситуацию особенно тяжело переживали старые русские либералы. Указывая, что мировые катастрофы XX в. изменили сознание людей, А. В. Карташев отмечал: «Что казалось бесспорнее для “нашего” XIX в. примата свободы и достоинств человеческой личности? А вот, подите же. Не только целые партии разных “освободителей” и тысячи журналистов, еще вчерашних ницшеанцев и анархо-индивидуалистов, но и сами корифеи метафизики свободы спешат за толпой на услужение к пришедшему молоху коллективизма» [Карташев, с. 1]. Главной причиной этого он считал господство идей материализма над идеализмом, поскольку для материалистов главное — наличие эмпирически обоснованных выводов: «Тиранический, тотальный коллективизм оказался продуктивнее» [Там же]. Однако, представители Освободительного движения и в этой ситуации продолжали отстаивать идеалы своей молодости. В 1947 г. М. А. Алданов подчеркивал в одном из писем, что принципы демократии «у меня до конца моей жизни ни малейших сомнений вызывать не будут» [НИА, Boris I. Nicolaevsky collection, Ser. 248, Box 471, Folder 20, М. Алданов — Б. Николаевскому, 03.01.1947].

Уже в межвоенный период выявилась слабость традиционной концепции прав человека, недооценка ею социально-экономических проблем, которые с развитием общества становились все острее. Ее критика продолжалась и в 1940–1950-е гг., что болезненно воспринималось старыми русскими интеллигентами, чьи взгляды формировались в условиях господства традиционной схемы. Известная участница Освободительного движения Е. Д. Кускова с грустью описывала, как над ней — «человеком старой, ушедшей в вечность эпохи» — смеялись те, кто считал, что «чтобы очаровать современного человека улицы, нужно говорить не о свободах, а о “праве на работу”, на отдых, на образование». Она же справедливо указывала, что без соблюдения политических и гражданских прав социально-экономические права представляют собой фикции [Кускова].

1940-е гг. стали и периодом нового всплеска эсхатологических настроений. Часть старых русских интеллигентов высказывала мнение, что моральное разложение западной цивилизации ставит весь мир на грань пропасти. Так, Д. Звегинцов писал в 1947 г. своему товарищу по Императорскому Александровскому лицей Е. В. Саблину: «Темные силы охватили весь мир. Человечество полно зависти, жадности, ревности, недоброжелательства. Люди живут в страхе

и заботах лишь о хлебе насущном. Как будто человек принадлежит только к миру животному» [LRA, MS 1285/1382]. Преклонный возраст, которого достигли люди этого поколения к моменту окончания Второй мировой войны, состояние их здоровья только усиливали эти настроения.

В 1950–1960-е гг. поколение участников российских революций уходило из жизни. Кто-то смог переосмыслить прежние идеалы, отказался от идеализации «своего» XIX в. и жесткого противопоставления эпохи своей молодости новому столетию. Некоторые старые русские интеллигенты осознали, пусть и с большим опозданием, ошибки своего поколения. Князь В. А. Оболенский незадолго до своей смерти написал своей ровеснице графине С. В. Паниной: «Ваши мысли о XIX веке демократическом и о XX-м диктаториальном (так в тексте. — А. А.) не вполне разделяю. В XIX веке Европа страдала эгоцентризмом и свою идеологию распространяла на весь мир. А мир с подавляющим большинством населения был и тогда антидемократичен. В XX веке история из европейской стала мировой. И тогда обнаружилось, что деспотии всех видов не менее жизненны, чем демократии» [BAR, Sofiia V. Panina collection, Box 4, Folder “Obolenskii V. A.”, В. А. Оболенский — С. В. Паниной, 12.05.1951]. При этом он подчеркивал: «Пока мы живы, мы останемся сторонниками демократии. К сожалению, мы слишком поздно поняли, хотя и чувствовали это всю нашу жизнь, что антиномия между свободой и справедливостью может победить только любовь. С надеждой на эту победу я и ухожу из этого мира» [Ibid.].

Таким образом, представителям Освободительного движения принадлежит особое место в российской истории. Сформировавшись в XIX в., они оказались на переломе эпох. На их глазах рушился тот мир, в котором они выросли. И Россия, и мир в целом вступили в совершенно новую эпоху, которая развивалась по законам, отличным от моделей XIX в., при этом само данное поколение во многом стало творцом этого перелома. Однако в новом мире этому поколению оказалось жить очень неудобно. Представители Освободительного движения до конца своей жизни продолжали верить в то, что было подвергнуто жесточайшей критике в XX в. Им довелось увидеть крушение их прежних идеалов и осознать, что ни Россия, ни мир в целом не пойдут по тому пути, который казался безальтернативным лидерам Освободительного движения.

Источники

- BAR. Sofiia V. Panina collection. Box 4. Folder “Obolenskii V. A.”.
BAR. A. Tyrkova-Williams collection. Box 2. Folder “Maklakov V. A.”
BAR. Vladimir M. Zenzinov collection. Box 6. Folder “Correspondence. N-R”.
HIA. Vasilii Maklakov papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1945”.
HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 471. Folder 20.
LRA. MS 1285.

Исследования

Аверьянов В. В. Проблема традиции в русской философии XX века (Русское Зарубежье) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.

Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991.

Карташев А. Болезнь совести // Свободное слово. Париж, 1946. № 1. С. 1–2.

Кускова Е. Над чем смеются Клековкины? // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1948. 8 февраля. С. 2.

Маклаков В. А. Советская власть и эмиграция // Русские новости. Париж, 1945. 25 мая. С. 1.

Маклаков В. А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М. : Центрполиграф, 2006.

Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины : сб. ст. о русской революции / предисл. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 204–220.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб. : Рос. христ. гуманитар. ун-т, 2000.

Струве П. Б. Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. Париж, 1923. № 6–8. С. 3–20.

Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Новое время, 1990. С. 156–174.

Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М. : Слово, 1998.

Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М. : Мемориал, 2004.

Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж : YMCA-Press, 1983.

Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. Париж, 1923. № 6–8. С. 21–39.

Статья поступила в редакцию 15.08.2016 г.

Антошин Алексей Валерьевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры востоковедения
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Antoshin, Alexey Valeryevich

Dr. Hab. (History), Professor
Chair of Oriental Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: alex_antoshin@mail.ru

RUSSIAN INTELLIGENTSIA AT THE TURN OF EPOCHS: LIBERATION MOVEMENT PARTICIPANTS OF THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES IN RUSSIA AND ABROAD

This article is devoted to the generation of the Liberation Movement participants in Russia in the late 19th — early 20th centuries. The author seeks to analyse the peculiarities of the psychological and value attitudes of the said generation of Russian intellectuals who were the main participants of the Russian revolutions. The methodology of the research is based on the principles of new intellectual history. The analysis relies on personal letters of Russian intellectuals kept at the Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (Stanford, USA), Bakhmeteff Archive Research at Columbia University (New York, USA), Leeds Russian Archive

(Leeds, United Kingdom). The author also uses some memoirs of these intellectuals. He concludes that the mental attitudes of this generation were rooted in the 19th century and it was deeply affected by the collapse of its youth's ideals in the 20th century. Participating in the Russian Liberation Movement, being deputies of the State Dumas and members of the parliamentary opposition, they were trying to create a new Russia. They continued to believe in democratic values and human rights throughout their whole life. But the majority of them realised that the Soviet state was an autocratic political project supported by many ordinary people. And they understood that global trends of development of the 20th century civilization were much more complex than they had thought before. At the end of their life, they understood the mistakes in their struggle for democracy in Russia.

Key words: Russian intellectuals; Liberation Movement; Russian diaspora; Russian revolution; Russia and Europe.

Averianov, V. V. (2000). *Problema traditsii v russkoy filosofii XX veka (Russkoe Zarubejje)* [The Issue of Tradition in the Russian Philosophy of the 20th Century (Russian Abroad)] (doctoral dissertation abstract). Moscow: Moscow State University. (In Russian)

Berdyaev, N. A. (1991). *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-cognition (An Experience of a Philosophical Autobiography)]. Moscow: Kniga. (In Russian)

Florovsky, G. (1983). *Puti russkogo bogoslovija* [Ways of Russian Theology]. Paris: YMCA-Press. (In Russian)

Frank, S. L. (1923). Iz razmyshleniy o russkoy revolutsii [Some Observations on the Russian Revolution]. *Russkaya mysl*, 6–8, 21–39. (In Russian)

Kartashev, A. V. (1946). Bolezn sovesti (Disease of Conscience). *Svobodnoe Slovo*, 1, 1–2. (In Russian)

Kuskova, E. D. (1948, February 8). Nad chem smeyutsya Klekovkiny? [What Are the Klekovkins Laughing at?]. *Novoe Russkoe Slovo*, pp. 2. (In Russian)

Maklakov, V. A. (1945, May 25). Sovetskaja vlast i emigratsia [Soviet Power and Emigration]. *Russkie novosti*, pp. 1. (In Russian)

Maklakov, V. A. (2006). *Vospominania* [Memoirs]. Moscow: Poligraphresury. (In Russian)

Novgorodtsev, P. I. (1990). O putyah i zadachah russkoy intelligentsii [On Ways and Tasks of Russian Intelligentsia]. In M. Kolerov, & N. S. Plotnikov (Introd.), *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolutsii* [From the Depth. A Collection of Articles on the Russian Revolution] (pp. 204–220). Moscow: Moscow University Press. (In Russian)

Stepun, F. A. (2000). *Byvshee i nesbyvsheesya* [The Things that Happened and Those that Never Did]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian University. (In Russian)

Struve, P. B. (1923). Poznanie revolutsii i vozrojenie duha [The Understanding of Revolution and the Rebirth of the Spirit]. *Russkaya mysl*, 6–8, 3–20. (In Russian)

Struve, P. B. (1990). Intelligentsia i revolutsia [Intelligentsia and the Revolution]. *Vehy. Digest of articles on Russian intelligentsia* (pp. 156–174). Moscow: Novoe vremia. (In Russian)

Tyrkova-Williams, A. V. (1998). *Vospominania* [Memoirs]. Moscow: Slovo. (In Russian)

Ugrimov, A. A. (2004). *Iz Moskvy v Moskvu cherez Parij i Vorkutu* [From Moscow to Moscow via Paris and Vorkuta]. Moscow: Memorial. (In Russian)

Received on 15 August, 2016